

ИСЛАНДИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

*How do you like Iceland?*¹

Да, он, по крайней мере, приехал в страну не за такими впечатлениями.

День начался хорошо, погожее июньское утро. Хотя между утром и вечером практически никакой разницы — светло круглые сутки. Эван Фейн уже давно очень хотел съездить в эту страну на самом краю земли.

Эван жил в Эдинбурге, изучал искусство. И это была его первая поездка в Исландию. Силы природы будто специально подготовились и, чтобы добавить серый цвет к черной полосе кризиса, пригласили людей на два извержения вулкана с коротким промежутком. Однако на данный момент извержения, похоже, закончились, и Эван их как раз пропустил. Он в Исландии уже несколько дней. Сначала осмотрел Рейкьявик и популярные достопримечательности в округе. Затем взял в аренду машину и отправился на север

¹ Как вам Исландия? (англ.)

страны. Переночевал в кемпинге, встал рано и теперь держал путь в Скагафьордюр. Купил диск со старыми исландскими шлягерами и теперь слушал их в машине — не понимал ни единого слова, но наслаждался музыкой и гордился собой, тем, что он такой продвинутый турист, погружается в культуру стран, которые посещает. Он свернул с дороги у Сойдаркрокюра, хотел посмотреть купальню Греттира¹, она должна быть где-то недалеко, у самого берега.

Дорога к купальне была труднопроходимой. Эти поиски, разумеется, полное безумие с его стороны, но в то же время заманчиво немного расслабиться в дымящейся горячей воде, насладиться светом утреннего солнца и красотой природы. Он ехал медленно, прямо перед машиной то и дело возникали ягнята — или это он оказывался у них на пути. Купальни не было. Он уже начал бояться, что пропустил нужный поворот. Еще больше снижал скорость у каждого съезда, напряженно всматривался. Неужели проехал? Но вот он увидел красивый дом, правда, похоже, недостроенный. Дом стоял недалеко от дороги, перед ним припарковался маленький серый фургон.

Водитель фургона или, может, хозяин дома неподвижно лежал поблизости. Эван вздрогнул,

¹ *Купальня Греттира* (исл. Grettislaug) — геотермальная купальня, названная в честь главного героя древнеисландской «Саги о Греттире».

заглушил двигатель прямо посреди дороги и побежал что есть мочи. Из скверных динамиков фургона по-прежнему орала исландская попса, что в сложившихся обстоятельствах производило почти абсурдное впечатление.

Судя по комплекции и коротко стриженным волосам, это был мужчина. И он мертвый. Лицо залито кровью, на месте одного глаза зияет рана, так что визуальное опознание практически исключено.

Эван судорожно ловил воздух ртом. Почти оцепенев, он уставился на труп, но затем быстро обернулся, словно проверяя, не стоит ли за спиной убийца. Кроме него самого и покойного, никого не было.

Рядом с телом лежал окровавленный кусок деревяшки, который, похоже, использовали как дубинку. Когда Эван заметил деревяшку, его вдруг вырвало, он постарался отогнать нахлынувший негатив, глубоко вдохнул, восстановил душевное спокойствие. Затем сел на лужайку перед домом и стал размышлять, что надо было выбирать другое место для летнего путешествия.

Исрун проснулась от жужжания мухи, залетевшей в открытое окно спальни, посмотрела на часы — черт возьми! Она могла бы еще поспать, на смену в новостной отдел ей только к половине десятого. День наверняка будет спокойным, извержение вулкана закончилось, событий в городе мало, началось лето. Полное затишье. Единственное задание в настоящий момент — подготовить какую-нибудь легкую и интересную новость о летнем празднике, на который они с оператором ходили днем ранее. Летнее настроение, чтобы завершить выпуск на радостной ноте. Репортаж точно поставят в последний выпуск или даже перенесут на завтра — такие новости всегда идут последними, и как только что-то случается, их сразу отодвигают.

Она проработала в новостном отделе уже десять лет, правда с перерывами. Начала еще в университете, параллельно с изучением психологии. Получив диплом бакалавра, попробовала рабо-

тать в больнице, но там ей не хватало эмоциональных нагрузок новостного отдела, и она вернулась. Потом уехала в Данию, где училась в магистратуре по психологии; вернувшись, снова попыталась работать в больнице, на этот раз в Акюрейри. Однако полтора года назад уволилась из больницы, переехала в Рейкьявик и снова устроилась на работу в новостной отдел. Многие из прежних коллег ушли, их сменили новые лица, но некоторые все еще были на месте. В свое время она пришла устраиваться на телевидение, не рассчитывая на положительный ответ. Сдала пресловутый квалификационный экзамен, среди прочего должна была читать новости в студии звукозаписи и перед камерой в телестудии. Она, конечно, ждала результатов и надеялась, однако считала, что из-за шрама, оставшегося на лице после ожога, у нее нет шансов попасть на экран. Ожог она получила, когда ей было всего несколько месяцев: пожилая тетя опрокинула на нее дымящийся кофе. Шрам от давнего ожога проходил через всю щеку, с годами она, конечно, научилась прятать его под макияжем, но он все равно оставался заметным. Наверное, именно этот шрам стал причиной ее стремления работать телекорреспондентом, чтобы показать миру — как минимум телезрителям в Исландии, — что она не видела в этом препятствия.

Исрун села в кровати, потянулась. Жила одна, парня у нее не было уже два года. Так долго одна

она еще не оставалась, до этого у нее обычно кто-то был; самые долгие отношения продолжались пять лет, но закончились, когда она уехала в Данию. А он не захотел ни поехать с ней, ни ее дожидаться. Ну и ладно, пусть живет.

Телевидение приносило ей намного больше, чем занятия психологией. Интерес к учебе с годами ослаб, но диплом магистра она все-таки получила — из чистого упрямства. Образование, однако, помогало ей в репортажах. Работа в новостном отделе давала ей возможность ежедневно получать новые впечатления, беседовать с интересными людьми, в лучшие дни ей даже удавалось сделать эксклюзив. Единственным недостатком этой работы был постоянный цейтнот. Хотя стресс в определенной степени и вызывал некоторое привыкание, как наркотик, прессинг времени затруднял проведение серьезных журналистских расследований. Недоукомплектованные смены и жесткий график сдачи материала к концу дня весьма поспособствовали тому, чтобы возможность длительное время сосредоточенно заниматься одним делом практически превратилась в nepозволительную роскошь.

Муха все еще жужжала где-то в комнате, Исрун попыталась снова закрыть глаза. И почему эта чертова муха не осталась на улице и не дала ей поспать?

Исрун встала с кровати. Раз она проснулась, нужно провести время с пользой. Оделась для

бега и через несколько минут уже стояла на тротуаре, испытывая потребность в интенсивном движении. Она сделала глубокий вдох, но вместо привычной утренней свежести отчетливо ощутила какие-то незнакомые примеси. Неудивительно, что муха искала убежища в помещении.

Исрун жила в многоэтажном доме, в небольшой двухкомнатной квартире. Когда выдавалось время, любила бегать вдоль моря, вот и сейчас решила, что никакие примеси ее не остановят. Предстоящий день явно не будет спокойным и однообразным.

Ее красного цвета «старушка» не подвела — на работе Исрун появилась вовремя; машину, которая уже довольно долго была в их семье, папа подарил ей на двадцатилетие. Формально машина относилась к ретромобилям, но служила ей верой и правдой. Движение по пути на работу было спокойным, и в этом одно из основных преимуществ, что не нужно приезжать раньше половины десятого. С другой стороны, остается совсем мало времени вечером, когда она наконец добирается домой после вечернего выпуска и следующей за ним летучки. Тогда уж лучше отвечать за последний выпуск, дома оказываешься практически ночью, но взамен свободна первая половина дня, которой она умела правильно распорядиться.

Черт, она совсем забыла, что сегодня и завтра старшим по смене будет Ивар. У них несколько

натянутые отношения, так, во всяком случае, ей казалось. Его взяли в новостной отдел два года назад, когда она после окончания магистратуры пыталась закрепиться в психологии. Важная шишка — в своих собственных глазах, по крайней мере; в этом можно было не сомневаться, — он разогнал всех конкурентов. На нее все еще смотрел как на новичка, хотя по совокупности она проработала в СМИ больше, просто у нее были перерывы. Похоже, до сих пор не готов доверять ей серьезные дела, а она чувствует, что у нее нет сил настоять на своем, стукнув кулаком по столу. Вероятно, раньше она была сильнее, теперь же утратила веру в себя.

Исрун села за стол в зале совещаний. Ивар расположился в конце стола с маленьким блокнотом, никогда с ним не расставался, и стопкой листков с расписанными выпусками новостей, которые либо окажутся у кого-то из корреспондентов, либо в мусорной корзине.

— Исрун, ты уже что-нибудь сделала из отснятого на летнем празднике?

В его голосе действительно прозвучала ирония? Он на самом деле считает, что ей можно доверить только какую-то ерунду?

Или она просто стала слишком мнительной?

— Нет, как раз сегодня займусь. К вечеру что-нибудь сделаю. Две минуты?

— А сделай на полторы. Максимум.

Коллеги тем временем собрались за столом, и утренняя летучка началась. Наступал новый новостной день.

— Вы почувствовали примеси в воздухе сегодня утром? — спросил Кормакюр, откинувшись в кресле и грызя карандаш. Обычно его все называли Комми, исключительно по той причине, что прозвище ему не нравилось.

— Да, наверняка это вулканический пепел нанесло, в результате извержения, насколько я понимаю, — ответил Ивар.

— Я-то думал, что извержение уже закончилось, — сказал Кормакюр. — А мы, оказывается, сможем наскрести еще одну новость! — Он усмехнулся.

— Исрун, поколдуй над этим. Сделай какой-нибудь атмосферный репортаж. Извержение продолжается — Рейкьявик в опасности, понимаешь? Что-то в таком духе.

Ивар улыбнулся. Напыщенно, как ей показалось.

— А теперь к важным делам, — произнес он.

Именно — она с раздражением посмотрела на него.

— Насколько я знаю, сегодня утром на севере нашли тело, совсем рядом с Сойдарккрокюром, у какой-то новостройки. Но это все еще не подтверждено. Комми, возьмешься? Без сомнения,

будет новость номер один сегодня вечером, если только снова не начнется извержение.

Кормакур кивнул:

— Пулей лечу.

День явно не останется без важных новостей. Только, разумеется, не у нее.

З

Ари представлялось невероятным, что ему удалось так долго продержаться в Сиглуфьордюре. Он переехал на север почти два года назад, незадолго до окончания школы полиции, куда поступил, бросив теологию. Первая зима стала для него чистейшим адом; казалось, единственная миссия тягостного, томительного снега — раздавить его. Но первое лето было полной противоположностью зимы — теплое, светлое. И вот уже позади вторая зима. Оторванность и темнота угнетали его, но ко всему ведь можно привыкнуть. Тем более, что при появлении солнца ему становилось намного легче. Начался июнь, и уже было несколько теплых дней; лето, конечно, сюда идет дольше, чем на юг страны, однако от севера иного ожидать трудно.

Томас, начальник полиции Сиглуфьордюра, позвонил ему сегодня утром и попросил приехать пораньше; его дежурство должно было начаться в полдень, но Ари выехал около девяти. По телефону Томас почти ничего не сказал, но

голос у него был обеспокоенный. После того как жена уехала в столицу учиться, Томас вообще ходил мрачный. Кроме него, пожалуй, никто не верил, что она вернется в Сиглуфьордюр. Однако формально супруги все еще были вместе, чего нельзя сказать об Ари и его бывшей девушке Кристине. Их отношения закончились, хотя Ари до сих пор лелеял надежду вдохнуть жизнь в остывшие угли. Они с Кристиной начали встречаться больше четырех лет назад, он тогда изучал теологию, она — медицину. Любовь с первого взгляда, она вытащила его из скорлупы, если можно так выразиться. Он рано потерял родителей, рос с бабушкой и во всем мог рассчитывать только на себя. Рядом с Кристиной он обрел долгожданное тепло и чувство защищенности. Но когда он перебрался в Сиглуфьордюр, все разладилось. Она с самого начала была против его решения, осталась в Рейкьявике и даже не приехала к нему на Рождество. Его обидела ее реакция, постепенно их общение сошло на нет, и тогда он повел себя неправильно. Молодая женщина, у которой он брал уроки фортепиано, вскружила ему голову и заменила собой Кристину, давая ему чувство защищенности и тем самым спасая его от холода и одиночества в Сиглуфьордюре. Началось все с поцелуя, потом он оказался в ее спальне, однако между ними так ничего и не было. Но это не имело никакого значения — внутренне он изменил Кристине и считал, что ему